

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

РОМАНЪ

ФЕДОРА ДОСТОЕВСКАГО.

Издание исправленное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

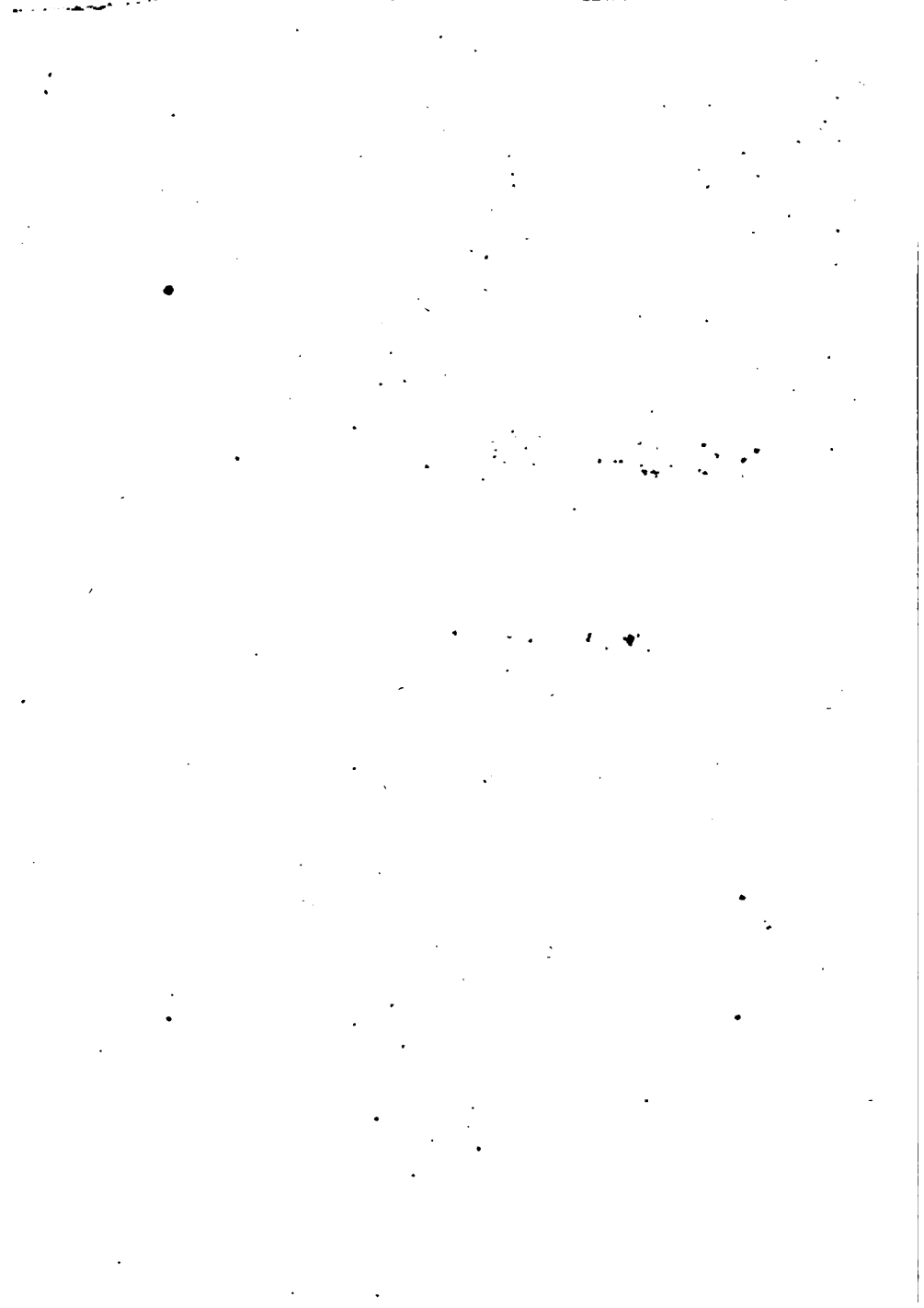
1848.

УТРАЧЕННЫЕ ЛЮДИ.

РОМАНЪ

ФЕДОРА ДОСТОЕВСКАГО.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

РОМАНЪ

Федора Достоевскаго.

Uet. PG3325. B4

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

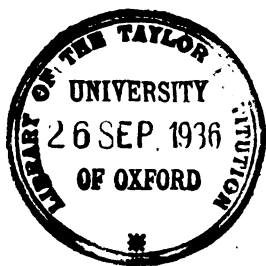
—
1847.

Confined to Library

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ.
Октября 29 дня, 1847 года.

Цензоръ А. Никитенко.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

Охъ, ужъ эти нѣзъ сказочники! Нѣтъ чтобы написать что-нибудь полезное, пріятное, утѣшительное, а то всю подноготную изъ земли вырываютъ!... Вотъ ужъ запретить бы имъ писать! Ну не что это похоже; читаешь... невольно задумываешься, — а такъ всякая дребедень и пойдете въ голову; правъ бы запретить имъ писать; такъ-таки просто вовсе бы запретить.

Кн. В. О. Одесскій.

Апрѣля 8.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣевна!

Вчера я былъ счастливъ, чрезвычайне счастливъ, до нѣльзя счастливъ! Вы хоть разъ въ жизни, упрямца, меня послушались. Вечеромъ, часовъ въ восемь, просыпаюсь (вы знаете, маточка, что я часочикъ — другой люблю поспать послѣ должности), свѣчку досталъ, приготавливаю бумаги, чиню перо, вдругъ, нечаянно, подымаю глаза, — право, у меня сердце вотъ такъ и запрыгало! Такъ вы таки поняли чего мнѣ хотѣлось, чего сердчишку моему хотѣлось! Вижу уголочекъ занавѣски у окна вашего загнуть и прищепленъ къ горшку съ бальзаминномъ, точнехонько такъ, какъ я вамъ тогда намекалъ; тутъ же показалось мнѣ, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мнѣ изъ комнатки вашей смотрѣли, что и вы обо мнѣ думали. И какъ же

мнѣ досадно было, голубчикъ мой, что милovidнаго личика-то вашего я не могъ разглядѣть хорошенько! Было время когда и мы свѣтло видѣли, маточка. Не радость старость, родная моя! Вотъ и теперь все какъ-то рябитъ въ глазахъ; чуть поработаешь вечеромъ, напишешь что-нибудь, на утро и глаза раскраснѣются, и слезы текутъ, такъ что даже совѣстно передъ чужими бываетъ. Однакоже, въ воображеніи моемъ такъ и за-свѣтлѣла ваша улыбочка, ангельчикъ, ваша добренькая, привѣтливая улыбочка; и на сердцѣ моемъ было точно такое же ощущеніе, какъ тогда, какъ я поцаловалъ васъ, Варинька, — помните ли, ангельчикъ? Знаете ли, голубчикъ мой, мнѣ даже показалось, что вы тамъ мнѣ пальчикомъ погрозили? Такъ ли, шалунья? Непремѣнно вы это все опишите подробно въ вашемъ письмѣ.

Ну, а какова наша придумочка на счетъ занавѣски вашей, Варинька? Премило, не правда ли? Сижу ли за работой, ложусь ли спать, просыпаюсь ли и ужъ знаю, что и вы тамъ обо мнѣ думаете, меня помните, да и сами-то здоровы и веселы. Опустите занавѣску — значить прощайте, Макаръ Алексѣевичъ, спать пора! Подымите — значить съ добрымъ утромъ, Макаръ Алексѣевичъ, каково-то вы спали, или: каково-то вы въ вашемъ здоровьи, Макаръ Алексѣевичъ? Чтò же до меня касается, то я, слава Творцу, здорова и благополучна! Видите ли, душечка моя, какъ это ловко придумано; и писемъ не нужно! Хитро, неправда ли? А вѣдь придумочка-то моя! А, чтò, каковъ я на эти дѣла, Варвара Алексѣевна?

Доложу я вамъ, маточка моя, Варвара Алексѣевна, что спалъ я сію ночь добрымъ порядкомъ, вопреки

ожиданий, чѣмъ и весьма доволенъ; хотя на новыхъ квартирахъ, съ новоселья, и всегда какъ-то не спится; все что-то такъ, да не такъ! Всталъ я сегодня такимъ яснымъ соколомъ — любо-весело! Что это какое утро сего-дня хорошее, маточка! У насъ растворили окошко; солнышко свѣтитъ, птички чирикаютъ, воздухъ дышетъ весенними ароматами, и вся природа оживаетъ — ну, и остальное тамъ все было тоже соответственное; все въ порядкѣ по весеннему. Я даже и помечталъ сегодня довольно приятно, и все объ васъ были мечтанія мои, Варинька. Сравнилъ я васъ съптичкой небесной, на утѣху людямъ и для украшенія природы созданной. Тутъ же подумалъ я, Варинька, что и мы, люди, живущіе въ заботѣ и тревоженіи, должны тоже завидовать беззаботному и невинному счастью небесныхъ птицъ, — ну и остальное все такое же, сему же подобное; т. е. я все такія сравненія отдаленныя дѣлалъ. У меня тамъ книжка есть одна, Варинька, такъ въ ней то же самое, все такое же весьма подробно описано. Я къ тому нишу, что вѣдь разные бываютъ мечтанія, маточка. А вотъ теперь весна, такъ и мысли все такія пріятныя, острыя, затѣйливыя, и мечтанія приходятъ нѣжныя; все въ розовомъ цвѣтѣ. Я къ тому и написалъ это все; а впрочемъ я это все взялъ изъ книжки. Тамъ сочинитель обнаруживаетъ такое же желаніе въ стихахъ и писать. —

Зачѣмъ я не птица, не хищная птица!

Ну и т. д. Тамъ и еще есть разные мысли, да Богъ съ ними! А вотъ, куда это вы утромъ ходили сегодня, Варвара Алексѣевна? Я еще и въ должность не собирался, а вы, ужъ подлинно какъ птичка весенняя, порхнули изъ комнаты, и по двору прошли такая ве-

селенькая. Какъ мнѣ-то было весело ; на васъ глядя ! Ахъ, Варинька, Варинька ! — вы не грустите ; слезами горю помочь нельзя ; это я знаю, маточка моя, это я на опытъ знаю. Теперь же вамъ такъ покойно, да и здѣсь вы немного поправились. — Ну, что ваша Оедора ? Ахъ, какая же она добрая женщина ! Вы мнѣ, Варинька, напишите какъ вы тамъ съ нею живете теперь, и всѣмъ ли вы довольны ? Оедора-то немного ворчлива ; да вы на это не смотрите, Варинька. Богъ съ нею ! Она такая добрая.

Я уже вамъ писалъ о здѣшней Терезѣ, тоже и добрая и вѣрная женщина. А ужъ какъ я безпокоился объ нашихъ письмахъ ! Какъ они передаваться-то будутъ ? А вотъ какъ-тутъ послалъ Господь на наше счастье Терезу. Она женщина добрая, кроткая, безсловесная. Но наша хозяйка просто безжалостная. Затираетъ ее въ работу словно ветошку какую нибудь.

Ну, въ какую же я трущобу попалъ, Варвара Алексѣевна ! Ну ужъ квартира ! Прежде я вѣдь жилъ такимъ глухаремъ, сами знаете ; — смирно, тихо ; у меня, бывало, муха летитъ, такъ и муху слышно. А здѣсь шумъ, крикъ, гвалтъ ! Да вѣдь вы еще и не знаете какъ это все здѣсь устроено. Вообразите, примѣрно, длинный корридоръ, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будетъ глухая стѣна, а по лѣвую все двери, да двери, точно нумера, все такъ въ рядъ проецируются. Ну вотъ и занимаютъ эти номера, а въ нихъ по одной комнаткѣ въ каждомъ ; живутъ въ одной и по двое и по трое. Порядку не спрашивайте — Ноевъ ковчегъ ! Впрочемъ, кажется, люди хорошие, все такіе образованные, ученые. Чиновникъ одинъ есть

(онъ гдѣ-то по литературной части), человѣкъ начитанный; и о Гомерѣ, и о Брамбеусѣ, и о разныхъ у нихъ тамъ сочинителяхъ говорить, обо всемъ говорить; — умный человѣкъ! Два офицера живутъ и все въ карты играютъ. Мичманъ живетъ; Англичанинъ учитель живетъ. — Пойдите, я васъ потѣшу, маточка; опишу ихъ въ будущемъ письмѣ сатирически, т. е. какъ они тамъ сами по себѣ, со всею подробностію. Хозяйка наша, — очень маленькая и нечистая старушонка, цѣлый день въ туфляхъ да въ шлафрокъ ходить, и цѣлый день все кричитъ на Терезу. Я живу въ кухнѣ, или гораздо правильнѣе будетъ сказать вотъ какъ: тутъ подлѣ кухни есть одна комната (а у насъ, нужно вамъ замѣтить, кухня чистая, свѣтлая, очень хорошая), комнатка небольшая, уголокъ такой скромный... т. е. ильеще лучше сказать, кухня большая въ три окна, такъ у меня вдоль поперечной стѣны перегородка, такъ что и выходитъ какъ бы еще комната, номеръ сверхштатный; все просторное, удобное, и окно есть, и все, — однимъ словомъ, совершенно удобное. Ну, вотъ это мой уголочекъ. Ну, такъ вы и не думайте, маточка, чтобы тутъ что-нибудь такое иное и таинственный смыслъ какой-былъ; что вотъ дескать кухня! — т. е. я, пожалуй, и въ самой этой комнатѣ за перегородкой живу, но это ничего; я себѣ ото всѣхъ особнякомъ, по-маленьку живу, въ тихомолочку живу. Поставилъ я у себя кровать, столъ, комодъ, стульевъ парочку, образъ повѣсилъ. Правда, есть квартиры и лучше, можетъ-быть, есть и гораздо лучшія, да удобство-то главное; вѣдь это я все для удобства, и вы не думайте, что для другаго чего-нибудь. Ваше окошко напротивъ, черезъ дворъ; и дворъ-то узенькой, васъ мимоходомъ уви-

дишь — все веселѣе мнѣ горемычному, да и дешевле. У насъ здѣсь самая послѣдняя комната, со столомъ, 35 руб. ассигн. стоить. Не по карману! А моя квартира стоить мнѣ семь руб. ассиг., да столъ пять цѣлковыхъ: вотъ 24 съ полтиною, а прежде ровно 30 платилъ, за то во многомъ себѣ отказывалъ; чай пивалъ не всегда, а теперь вотъ и на чай и на сахаръ выгадалъ. Оно, знаете ли, родная моя, чаю не пить какъ-то стыдно; здѣсь все народъ достаточный, такъ и стыдно. Ради чужихъ и пьешь его, Варинька, для вида, для тона; а по мнѣ все равно, я не прихотливъ. Положите такъ, для карманныхъ денегъ — все сколько нибудь требуется — ну сапожишки какіе нибудь, платишко — много ль останется? Вотъ и все мое жалованье. Я-то не ропщу и доволенъ. Оно достаточно. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно; награжденія тоже бываютъ. — Ну, прощайте, мой ангельчикъ. Я вамъ тамъ купилъ парочку горшковъ съ бальзаминчикомъ, и гераньку — не дорого. А вы, можетъ-быть, и резеду любите? Такъ и резеда есть, вы напишите; да знаете ли все какъ-можно-подробнѣе напишите. Вы, впрочемъ, не думайте чего нибудь и несомнѣвайтесь, маточка, обо мнѣ, что я такую комнату нанялъ. Нѣтъ, это удобство заставило и одно удобство соблазнило меня. Я вѣдь, маточка, деньги коплю, откладываю; у меня денежка водится. Вы не смотрите на то, что я такой тихонькой, что, кажется, муха меня крыломъ перешибетъ. Нѣтъ, маточка, я про себя не промахъ, и характера совершенно такого, какъ прилично твердой и безмятежной души человѣку. Прощайте же, прощайте, мой ангельчикъ! Расписался я вамъ чуть не на двухъ листахъ, а

на службу давно пора. Цалую ваши пальчики, маточка, и пребываю

Вашимъ нижайшимъ слугою и вѣрнѣйшимъ другомъ

Макаромъ Двѣушкинымъ.

Р. S. Объ одномъ прошу : отвѣчайте мнѣ, ангельчикъ мой, какъ-можно подробнѣе. Я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфетъ; такъ вы ихъ скушайте на здоровье, да ради Бога обо мнѣ не заботьтесь, и не будьте въ претензіи. Ну, такъ прощайте же, маточка.

Апрѣля 8.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ.

Знаете ли, что мнѣ прійдется наконецъ совсѣмъ поссориться съ вами? Клянусь вамъ, добрый Макаръ Алексѣевичъ, что мнѣ даже тяжело принимать ваши подарки. Я знаю чего они вамъ стобятъ, какихъ лишений и отказовъ въ необходимѣйшемъ себѣ самому. Сколько разъ я вамъ говорила, что мнѣ не нужно ничего, совершенно ничего; что я не въ силахъ вамъ воздать и за тѣ благодаренія, которыми вы доселѣ осыпали меня. И зачѣмъ мнѣ эти горшки? Ну, бальзаминчики еще ничего, а геранька зачѣмъ? Одно словечко стоить неосторожно сказать, какъ напр. объ этой герани, ужъ вы тотчасъ и купите; вѣдь вѣрно дорого? Что за прелесть на ней цвѣты! Пунсовые крестиками. Гдѣ это вы достали такую хорошенькую гераньку? Я ее посрединѣ окна поставила, на самомъ видномъ мѣстѣ; на полу же поставлю скамейку, а на скамейку еще цвѣтовъ поставлю; вотъ только дайте

мнѣ самой разбогатѣть! Оедора не на радуется; у насъ теперь словно рай въ комнаткѣ, — чисто, свѣтло! Ну, а конфекты зачѣмъ? И право, я сейчасъ же по письму угадала, что у васъ что нибудь да не такъ — и рай, и весна, и благоуханія летаютъ, и птички чирикаютъ. Что это, думаю, ужь нѣтъ ли тутъ и стиховъ? Вѣдь, право, однихъ стиховъ и не достаесть въ письмѣ вашемъ, Макаръ Алексѣвичъ! И ощущенія нѣжныя и мечтанія въ розовомъ цвѣтѣ — все здѣсь есть! Про занавѣску и не думала; она вѣрно сама зацѣпилась, когда я горшки переставляла; вотъ вамъ!

Ахъ, Макаръ Алексѣвичъ! Что вы тамъ ни говорите, какъ ни разсчитывайте свои доходы, чтобъ обмануть меня, чтобы показать, что они всѣ сплошь идутъ на васъ одного, но отъ меня не утаите и не скроете ничего. Ясно, что вы необходимаго лишаетесь изъ-за меня. Что это вамъ вздумалось, напр., такую квартиру нанять? Вѣдь васъ беспокоятъ, тревожатъ; вамъ тѣсно, неудобно. Вы любите уединеніе, а тутъ и чего-чего нѣтъ около васъ! А вы бы могли гораздо лучше жить, судя по жалованью вашему. Оедора говоритъ, что вы прежде и не въ-примѣръ лучше теперешняго жили. Не-уже-ли жъ вы такъ всю свою жизнь прожили, въ одиночествѣ, въ лишеніяхъ, безъ радости, безъ дружескаго привѣтливаго слова, у чужихъ людей углы нанимая? Ахъ, добрый другъ, какъ мнѣ жаль васъ! Щадите хоть здоровье свое, Макаръ Алексѣвичъ! Вы говорите, что у васъ глаза слабѣютъ, такъ не пишите при свѣчахъ; зачѣмъ писать? Ваша ревность къ службѣ и безъ того, вѣроятно, извѣстна начальникамъ вашимъ.

Еще разъ умоляю васъ , не тратьте на меня столько денегъ. Знаю, что вы меня любите, да сами-то вы не богаты.... Сегодня я тоже весело встала. Миѣ было такъ хорошо; Федора давно уже работала, да и миѣ работу достала. Я такъ обрадовалась; сходила только шелку купить, да и принялась за работу. Цѣлое утро миѣ было такъ легко на душѣ, я такъ была весела! А теперь опять все черныя мысли, грустно; все сердце изныло.

Ахъ, что-то будетъ со мною, какова-то будетъ моя судьба! Тяжело то, что я въ такой неизвѣстности, что я не имѣю будущности, что я и предугадывать не могу о томъ, что со мной станется. Назадъ и посмотреть страшно. Тамъ все такое горе, что сердце пополамъ рвется при одномъ воспоминаніи. Вѣкъ буду я плакаться на злыхъ людей, меня погубившихъ!

Смеркается. Пора за работу. Я вамъ о многомъ хотѣла бы написать, да некогда, къ сроку работа. Нужно спѣшить. Конечно, письма хорошее дѣло; все не такъ скучно. А зачѣмъ вы сами къ намъ никогда не зайдете? Отъ-чего это, Макарь Алексѣевичъ? Вѣдь теперь вамъ близко, да и время иногда у васъ выгадывается свободное. Зайдите, пожалуйста! Я видѣла вашу Терезу. Она, кажется, такая больная; жалко было ее; я ей дала 20 копеекъ. Да! чуть-было не забыла: непременно напишите все, какъ можно подробнѣе, о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Что за люди такіе кругомъ васъ, и ладно ли вы съ ними живете? Миѣ очень хочется все это знать. Смотрите-же, непременно напишите! Сегодня ужъ я нарочно уголъ загну. Ложитесь по раньше; вчера я до полночи у васъ огонь видѣла. Ну, прощай—